

Профессионал

«Большой театр — храм. Великий храм», — уверен один из его корифеев — Борис Александрович Покровский. Сам он был вызван сюда правительственной телеграммой в конце 41 года, в самые страшные для Москвы дни, когда рядом стояли немцы. Дирижеру было предложено поставить прокофьевскую «Войну и мир»... У тоталитарного государства большое искусство всегда было в чести. При советской власти в ГАБТе вроде все было в порядке. Проблемы начались, когда она рухнула. Владимир Васильев был вынужден взять все эти проблемы на себя, став художественным руководителем Большого.

Диктатура творчества

— Неужели демократия претит искусству?

— Конечно, претит, если она граничит со вседозволенностью. Более того. Демократия в театре даже губительна. В нем должна быть диктатура. Но не власти, а творчества. Только диктат руководителя отличается от диктата постановщика. Я считаю, к примеру, что над спектаклем должны работать такой-то режиссер, дирижер, художник. Меня спрашивают: почему вы других не приглашаете? — Не считаю нужным. Мне говорят: вы оптимисты... Возможно. Но до тех пор, пока я здесь, отвечаю я. На этом моя власть заканчивается. И постановщикам дается карт-бланш.

— В свое время вы говорили, что творчество из Большого ушло. Сейчас оно вернулось в театр?

— Частично. На протяжении многих лет в Большом не было новых спектаклей, и мы говорили, что театр умер. Сегодня на его афише постоянно новые названия и имена. Мы устраиваем вечера современной хореографии, концерты, бенефисы мастеров, приглашаем труппы из разных стран... Все время что-то возникает.

— Владимир Викторович, вы взяли на себя ответственность за Большой, когда он был на грани гибели. Кажется, вот придет в Большой наш любимый сказочный принц Владимир Васильев и своим волшебным жезлом вдохнет жизнь в этот заснувший прекрасный дворец, и гармония снова будет царить на его сцене. Говорят, у вас абсолютный слух?

— Я вижу музыку, и это, наверное, самое важное. Но осуществить все, о чем я мечтал, пока просто невозможно. На второй день, когда я пришел сюда, сам написал на себя эпитафию:

*Пришел к вам лучезарный
Рассказать, что солнце встало.
Солнце село, солнце встало.
Посветило, но устало.
И пропало вдруг бездарно.*

— Но вы даже называли рецепты возрождения Большого.

— Я им и следую. Главные — сохранять все лучшее, что есть в театре, создавать новые постановки и вести поиск современных средств выразительности. Но нужна вторая сцена. Там возможны совсем иные ритмы. Отпадет, видимо, надобность в кулисах, софитах, картинах будут возникать как бы из ничего. Можно использовать голографию, и кино, и телевидение... Классика останется на основной сцене, атмосфера ее зала диктует свои условия игры.

— Все время вспоминается золотая пора ГАБТа, когда вы сами были в расцвете сил. Кстати, вы начали свою жизнь в Большом, кажется, в девять лет?

— Нет, в восемь. Я занимался народными танцами во Дворце пионеров у замечательного педагога Елены Романовны Россее. В те годы в Большом часто устраивались гала-концерты, на них приглашали иногда самодеятельные. На одном из них выступали и мы. Тогда я впервые увидел классический танец. Богомолова и Андрианов, как сейчас помню, тащевали па-де-из «Тщетной предосторожности». Они меня так поразили, что я стал повторять запомнившиеся движения. Елена Романовна сказала моей маме, что мне надо учиться в хореографическом училище, куда я и поступил в 49-м году.

— И на полвека связали жизнь с Большим театром.

— Да. Но вот что важно. Мы, воспитанники училища, постоянно — раз в три — четыре недели — бывали почти во всех операх и балетах. Представьте, как шемели души зрителей выступление детей на сцене Большого! И какая это школа артистизма была для нас, учащихся. Несколько поколений превосходных исполнителей сменялось на наших глазах. Мы учились у них, впитывали в себя театральные традиции. Обидно, что

БОЛЬШОЙ ТЕАТР

на маленьком

земном шаре

Владимир Васильев считает, что ГАБТ вечен

сейчас Академия хореографии оторвана от театра. Детей надо с самого начала учить правилам жизни на сцене.

— Раньше ваше училище было совсем рядом с Большим.

— На Неглинке, как раз напротив окон этого директорского кабинета, где мы с вами разговариваем. У нас был общий внутренний дворик с Щепкинским училищем Малого театра. Мы смотрели работы будущих драматических актеров, а они — наши, вместе ходили на премьеры.

В ожидании новой волны

— Очевидно, эта связь школы и театра дала искусству фантастическую пледу мастеров — Плисецкая, Максимова, Бессмертнова, Васильев, Лавровский, Липава... Слово девятиклассник. В последние годы таких «волн» в Москве что-то незаметно.

— На то он и девятый, что ему предшествовали еще восемь. Однако еще одному «валу» трудно появиться, если молодые начинающие сценическую жизнь лишь после окончания Академии. Наша профессия закладывается с первой позиции: дети встают к станку, и звучит музыка. Текст в театре — один — музыка. Она все, собственно, и определяет. Когда вы сливаетесь с ней — все в порядке. Если же нет, не будет никакого впечатления: либо вы немучительны, либо вам плохо аккомпанируют.

Магия личности и проблема денег

— Ваш оркестр был превосходен на юбилейном вечере Евгения Светланова.

— Это еще и магия личности. Хорошо помню, как ругали Евгения Федоровича, когда он был в 60-е годы главным дирижером ГАБТа: и за деспотизм, и за нев-

нимание к артистам. Того гипотетического светлановского влияния, под которым мы сейчас все находимся, тогда, поверьте, не было.

— Евгений Федорович рассказывал, что ушел из театра после того, как провел самые трудные гастроли нашей оперы в «Ла Скала». По возвращении в Москву начались всеческие разборки, и он подал заявление об уходе.

— Вот, вот. Время все ставит на свои места. И я не знаю сегодня никого, кто так бы проникнул в душу русской музыки, как Светланов. Вне всякого сомнения, когда за пультом или на сцене появляется личность, она гипнотизирует всех. Это то, что так пучно Большому.

— Так вы ударили со Светлановым по рукам?

— Пока еще нет. Евгений Федорович не отказывается от своего замысла поставить «Псковитинку», но сроки не оговорены. Сам я предлагал ему года два назад дирижировать «Лебединым озером», над которым работал. Сначала Светланов дал согласие, но затем отказался. Абсолютно убежден, что дело было не в нем самом, а в школах нападок прессы: как это я посмел вернуться в святое и на своей «Лебединое озеро» и на чистом лед перекаивать либретто... Все это, видимо, Евгения Федоровича просто ужаснуло. Сейчас дело только за ним.

— Правда ли, что Геннадий Рождественский высказал желание вернуться в театр?

— Геннадий Николаевич мы тоже сделали предложение. И сейчас готов повторить трижды: он желанный Мастер в нашем театре. Но... у него свои обиды. Быть может, пройдет время и что-то поменяется. Ставил в Большом, например, Мстислав Ростропович вместе с Борисом Покровским «Хованщину», потом тоже пошел Леопольдовичу очень интересно, на наш взгляд, предложение. Жду, какой он даст ответ.

— Эти ожидания что-то меняют в ваших планах?

— К великому сожалению, планы, которые были намечены, не

могут осуществиться. Не будет одноактных балетов Мориса Берже, «Кармен» Юрия Любимова, постановки «Отелло». И все по одной причине — нет денег. Мне порой говорят: а вот на свои спектакли вы их находите. Еще раз хочу подчеркнуть — «свое» делаю без бюджетных средств. Поэтому и вынужден ставить сам, хотя замесливались постановки приглашенных режиссеров. Самое страшное для театра — творческая немота... Был бы рад, если бы кто-то пришел и сказал: я настолько люблю Большой театр, что готов поработать здесь бесплатно. Однако таких предложений нет. Устал от постоянного словоблудия даже великих мира сего, которые расписывают на всех углах о любви к отечеству, к Большому театру, а когда разговор заходит о деле, то хотят иметь за это немалые деньги. Я уже столько раз обманывался...

— Еще в планах Большого — опера «Опричник» Чайковского. Почему именно она? Потому что этого человека, кто смог после шестидесяти лет себя перебороть и пойти по новому пути, — это Леонид Якобсон. Революции художники совершают, как правило, в молодые годы. Мастера уже выработали — каждый для себя — формулу собственного творчества.

— Кто из молодых может сделать революцию в Большом?

— Не знаю, но они непременно будут. Надо только подождать.

— Повысились ли цены на билеты?

— Сейчас они стоят от 10 до 150 рублей.

— Как говорится, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Вот и собираю сам ставить балет «Сказка о попе и работнике его Балде» Шостаковича. Это замечательная музыка впервые зазвучит в театре. «Балда» и балет-фантазия «Бессонница» Сергея Жукова в постановке Александра Петухова войдут в афишу пушкинских юбилейных торжеств. Они начнутся на сцене Большого театра 6 июня следующего года.

— В марте премьеры «Коньяк Горбунка» в постановке Николая Андросова. Восторг режиссера —

это было делом самого Щедрина и Плисецкой. Объявленная «Капитанская дочка» Михаила Коллонтая в силу объективных причин должна пойти в начале будущего сезона.

— Владимира Федосеева мы пригласили на «Демона». Дал согласие поработать у нас Борис Эйфман — один из первых отечественных хореографов.

— Вы были инициатором обменных гастролей между Большим и Мариинским театрами. Сравнение трупп оказалось полезным для критиков, признавших даже, что во многом занижали оценки ГАБТа.

— Отрадно. Но я и Валерий Гергиеву предлагал дирижировать в Большом. Ждем... Переговорил со всеми именитыми режиссерами. Пожалуй, только Франко Дзеффирелли не ответил, хотя на словах и он был готов: «О, Володя, для тебя, пожалуй». Не забывайте еще о проблеме возраста. Знаю только одного человека, кто смог после шестидесяти лет себя перебороть и пойти по новому пути, — это Леонид Якобсон. Революции художники совершают, как правило, в молодые годы. Мастера уже выработали — каждый для себя — формулу собственного творчества.

— Кто из молодых может сделать революцию в Большом?

— Не знаю, но они непременно будут. Надо только подождать.

— Повысились ли цены на билеты?

— Сейчас они стоят от 10 до 150 рублей.

— Как говорится, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Вот и собираю сам ставить балет «Сказка о попе и работнике его Балде» Шостаковича. Это замечательная музыка впервые зазвучит в театре. «Балда» и балет-фантазия «Бессонница» Сергея Жукова войдут в афишу пушкинских юбилейных торжеств. Они начнутся на сцене Большого театра 6 июня следующего года.

— В марте премьеры «Коньяк Горбунка» в постановке Николая Андросова. Восторг режиссера —

это было делом самого Щедрина и Плисецкой. Объявленная «Капитанская дочка» Михаила Коллонтая в силу объективных причин должна пойти в начале будущего сезона.

— Владимира Федосеева мы пригласили на «Демона». Дал согласие поработать у нас Борис Эйфман — один из первых отечественных хореографов.

— Вы были инициатором обменных гастролей между Большим и Мариинским театрами. Сравнение трупп оказалось полезным для критиков, признавших даже, что во многом занижали оценки ГАБТа.

— Отрадно. Но я и Валерий Гергиеву предлагал дирижировать в Большом. Ждем... Переговорил со всеми именитыми режиссерами. Пожалуй, только Франко Дзеффирелли не ответил, хотя на словах и он был готов: «О, Володя, для тебя, пожалуй». Не забывайте еще о проблеме возраста. Знаю только одного человека, кто смог после шестидесяти лет себя перебороть и пойти по новому пути, — это Леонид Якобсон. Революции художники совершают, как правило, в молодые годы. Мастера уже выработали — каждый для себя — формулу собственного творчества.

— Кто из молодых может сделать революцию в Большом?

— Не знаю, но они непременно будут. Надо только подождать.

— Повысились ли цены на билеты?

— Сейчас они стоят от 10 до 150 рублей.

— Как говорится, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Вот и собираю сам ставить балет «Сказка о попе и работнике его Балде» Шостаковича. Это замечательная музыка впервые зазвучит в театре. «Балда» и балет-фантазия «Бессонница» Сергея Жукова войдут в афишу пушкинских юбилейных торжеств. Они начнутся на сцене Большого театра 6 июня следующего года.

— В марте премьеры «Коньяк Горбунка» в постановке Николая Андросова. Восторг режиссера —

это было делом самого Щедрина и Плисецкой. Объявленная «Капитанская дочка» Михаила Коллонтая в силу объективных причин должна пойти в начале будущего сезона.

— Владимира Федосеева мы пригласили на «Демона». Дал согласие поработать у нас Борис Эйфман — один из первых отечественных хореографов.

— Вы были инициатором обменных гастролей между Большим и Мариинским театрами. Сравнение трупп оказалось полезным для критиков, признавших даже, что во многом занижали оценки ГАБТа.

— Отрадно. Но я и Валерий Гергиеву предлагал дирижировать в Большом. Ждем... Переговорил со всеми именитыми режиссерами. Пожалуй, только Франко Дзеффирелли не ответил, хотя на словах и он был готов: «О, Володя, для тебя, пожалуй». Не забывайте еще о проблеме возраста. Знаю только одного человека, кто смог после шестидесяти лет себя перебороть и пойти по новому пути, — это Леонид Якобсон. Революции художники совершают, как правило, в молодые годы. Мастера уже выработали — каждый для себя — формулу собственного творчества.

— Кто из молодых может сделать революцию в Большом?

— Не знаю, но они непременно будут. Надо только подождать.

— Повысились ли цены на билеты?

— Сейчас они стоят от 10 до 150 рублей.

— Как говорится, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

— Вот и собираю сам ставить балет «Сказка о попе и работнике его Балде» Шостаковича. Это замечательная музыка впервые зазвучит в театре. «Балда» и балет-фантазия «Бессонница» Сергея Жукова войдут в афишу пушкинских юбилейных торжеств. Они начнутся на сцене Большого театра 6 июня следующего года.

— В марте премьеры «Коньяк Горбунка» в постановке Николая Андросова. Восторг режиссера —

Новое дыхание Большого

— Девятый вал накатил сейчас на Мариинский театр. Завидуете его примам?

— Они танцуют отлично. Но балет складывается не только из звезд, но еще и из оркестра и кордебалета. Важен ансамбль. Над этим мы и работаем. И растим собственных примадон.

— Могли бы назвать имена?

— Анна Антоничева, Светлана Лункина, Мария Александрова, Анастасия Горячева. Девочки совсем молодые, но многообещающие.

— А налегла оперы?

— Сопрано — Марина Мещерякова, Мария Гаврилова, Елена Зеленская... Меццо-сопрано Ирина Долженко. Тенор Бадри Майсурадзе. Баритоны Сергей Мурзаев и Владимир Редкин... Не припомню дух недель, чтобы все солисты были в театре. Кто-то поет в Метрополитен-опера, кто-то в «Ла Скала», в Вене или Токио...

— Кто руководит сегодня труппами театра?

— Белла Руденко — оперой. Алексей Фадеев — балетом.

— В какой помощи, помимо материальной, вы нуждаетесь?

— Только в одной — объективной оценке. Она — в пристальном и уважительном отношении к предмету критики. Чтобы не было вранья, не приписывали того, чего нет, не выдавали желаемое за действительное. К сожалению, это случается сплошь и рядом. Мне говорят — посмотрите, как унижают всех подряд. Но мне-то от этого не легче. В театре многое за последнее время изменилось к лучшему. Даже внутри труппы. Прекратились распри. Доходило же до уродливого: шли стенка на стенку. Постоянные письма, угрозы, интриги, обращения...

О гибели Большого театра говорят постоянно. Для меня это пустые слова. Он не гибнет. Он незлыбим и нерушим, даже в нынешней нестабильной ситуации. ГАБТ к тому же — не только наше национальное достояние, но и мировое. Хотя его авторитет мы сами слишком размазали и продолжаем это делать, когда позволяем неуважительно говорить о нем.

— Как возродить былую славу?

— Мечтаю провести зарубежные гастроли Большого на уровне тех, что были в 56-м в Англии и в 59-м в Америке. Думаю, это можно сделать одним способом — вывезти весь театр и оперную, и балетную труппы. Ни один музыкальный театр в мире не имеет такого потенциала, такого единства всех своих компонентов, как Большой и Мариинка. Где вы увидите такие спектакли, как «Князь Игорь» с половецкими плясками, или «Иван Сусанин» с польским актом, «Золотой петушок» с Шемаханской царницей?

— Вот что изумляет: многие наши солисты — вовсе не те, которых вы называли, ничем не выделяясь в своей альма-матер, уезжают на Запад и поют там в лучших театрах мира. В чем тут секрет?

— Мы просто привыкли третируют своих людей. Открытие нового дыхания — вот от чего мы испытываем радость. И очень быстро привыкаем к тому, что имеем, зачастую перестаем ценить.

— «Критик — солдат, который стреляет по своим».

— Верно... Я пришел сюда, полный радужных надежд, уверенный, что уезду за собой все. Пришел отдать свое сердце. Но... Была встреча с критиками. На юношеском порыве, конечно, не соответствующем моим годам, я начал говорить — думал, можно было откровенным. Оказавшись, нельзя. Меня просто не поняли и все искажали.

Я сделал вывод: никогда не отвечать на критику. То же советует и Виктор Астафьев. Великий писатель прислал мне замечательное письмо. Мое спасение — лист бумаги, где записываю эпитафии, пародии, шутки...

— Однако оппоненты все-таки нужны. Иначе будет привычка к славе.

— Кто говорит, что не нужны? Ни в какой мере я не хочу кого-то огорчить. Понимаю, что идет волна неприятия после обязательного когда-то возвышения ГАБТа. Свобода высказываний после несомненного. Выход только один — заниматься творчеством. И я не обольщаюсь: все мы заменимы.

— Владимир Викторович, когда-то вы сказали, что вам нужно все время собирать вчерашнее, иначе жить не умеете.

— Это предназначение каждого художника.

Беседавала Лидия НОВИКОВА